

КАТЕРИНА ЦВИК

A detailed illustration for a book cover. In the center, a young woman with long blonde hair in a braid, wearing a white t-shirt and blue jeans, holds a small grey and white kitten. She has a brown bag with colored pencils slung over her shoulder. Next to her is a young man with dark hair, wearing a black leather jacket over a black t-shirt. He has a tattoo on his neck and is holding a black guitar. In the background, there is a library with bookshelves and a desk with a lamp. On the left, there are dark, shadowy figures with long claws. The overall atmosphere is mysterious and magical.

ЗАКРЫТЫЙ
КОЛЛЕДЖ
ВЕРА ИЩЕТ ТЕНЬ

Закрытый колледж

Катерина Цвик

**Закрытый колледж.
Вера ищет тень**

«Автор»

2026

Цвик К.

Закрытый колледж. Вера ищет тень / К. Цвик — «Автор»,
2026 — (Закрытый колледж)

Мой род — под запретом, прошлое — за печатью, а будущее — туманно. Мы с отцом всю жизнь убегали от тайных врагов в надежде, что нас наконец оставят в покое. Но когда ожил мой рисунок, отцу пришлось признать: у меня дар. А я поняла, что за вуалью реальности XXI века прячется совсем другой мир. Теперь мне предстоит учиться в закрытом колледже для одаренных — обители наследников сильнейших родов Российской империи. И охотников за моей скромной персоной прибавилось. Мне предстоит узнать правду о гибели матери, пробудить свой истинный дар и решить: стать пешкой в чужой игре или сыграть свою партию. Знать бы еще, почему я то и дело ловлю на себе взгляд главного бунтаря колледжа, местного красавчика и рок-звезды, у которого при виде меня, кажется, начинают ныть зубы.

© Цвик К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Старый дом.Рисунок. Котенок	5
Глава 2. Гадость. Разговор. Нападение	7
Глава 3. Отец. Ранение. Разговор	10
Интерлюдия 1	12
Глава 4. Поезд. Воспоминания. Кафе	14
***	15
***	16
Глава 5. Питер. Торговый дом. Орден очищения	19
***	20
***	22
***	24
Глава 6. Ворота. Усадьба. Домовой	26
Глава 7. Гадя. Соседка. Джокер	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Катерина Цвик

Закрытый колледж. Вера ищет тень

Глава 1. Старый дом. Рисунок. Котенок

Старые дома, в которых давно никто не живет, всегда пахнут по-своему. Специфично. Я никогда не любила бывать в таких домах, даже если нам приходилось в них проводить всего пару дней. Постоянный скрип, будто по чердаку кто-то ходит, шебаршение мышей в подполе, сырость. Чтобы такой дом стал комфортен для жизни, его нужно протапливать, обживать по-настоящему.

Дом, в котором мы оказались на этот раз, оказался даже менее уютным, чем обычно, и так капитально зарос кустами и деревьями, что его уже смело можно назвать лесным. Однако жить, а вернее перекантоваться, в нем можно.

— нет, Гера, я надеюсь, что все обойдется. Осталось подождать совсем немного и...

Я слышала голос отца, доносившийся из открытого окна. Он разговаривал по телефону со своим двоюродным братом. Можно сказать, что только благодаря ему, моему дяде, мы все последние годы и умудрялись избегать нападений.

Как, впрочем, и в этот раз.

Убегали мы из города ночью, по крышам, и теперь отсиживались здесь, в заброшенном доме в почти умершей деревеньке.

Как же мне все это надоело! Кто бы знал! Я ведь только-только привыкла к новой школе и одноклассникам. Даже на свидание собралась! И вместо нормальной жизни — снова все это!

Раздражение и обида встревоженным илом поднялись со дна души, и я сильнее сжала карандаш.

Солнце уже почти село за горизонт, во дворе стало довольно темно, но возвращаться в комнату не хотелось. Я сидела на лавочке и занималась тем, что всегда меня успокаивало, — рисовала. Почему-то именно карандашные черно-белые наброски выходили у меня лучше всего.

Сейчас моя рука, казалось, сама собой выводила на бумаге странные силуэты теней. Я рисовала свои пальцы, которые тянулись навстречу точно таким же, но сотканным из теней.

Внезапно теневая рука шевельнулась.

Я зажмурилась, решив, что сумерки играют со мной злую шутку. Однако стоило снова посмотреть на рисунок, и я увидела, как теневая кисть руки разминает пальцы.

У меня челюсть неумолимо поползла вниз. А когда тень вытянулась вперед, будто хотела прорвать поверхность листа, я не выдержала — подскочила и испуганно вскрикнула.

Скетчбук упал к моим ногам, но не захлопнулся, потому что этому помешали нарисованные пальцы ставшие вполне материальными, хоть и выглядели, будто были сделаны из теней. Они откинули напользшие на них страницы и продолжили проявляться в реальности.

— Вера, что случилось?

Из дома выскочил отец. В одной руке он держал смартфон, а другой уже тянулся к нагрудной кобуре за пистолетом.

Увидев, что вызвало мой вскрик, он застыл. На его лице проступили смешанные эмоции: ужас, злость и смирение. Будто он ждал чего-то подобного, но очень надеялся, что этого не случится.

Тем временем рука вылезла уже где-то наполовину и потянулась ко мне. Меня почему-то повело, будто из меня выкачали литр крови.

Внезапно откуда-то из-под лавочки выскочил маленький серый комочек и полоснул лапкой по рисунку. Тот порвался, и рука в мгновение ока исчезла. Ее даже на рисунке больше не было!

Я переводила заторможенный взгляд с листа на котенка, которым оказался мой нечаянный защитник, на отца — и не понимала, что делать и как к произошедшему относиться.

— Слава, алё! — послышался встревоженный голос дяди из смартфона отца. — Слава! Что у вас случилось?! На вас снова напали?!

Отец на мгновение прикрыл глаза, шумно втянул воздух ноздрями и поднес трубку к уху:

— Все хорошо, Гера. Только вот Вера только что прошла инициацию.

— О-о-о Что будешь делать?

— Не знаю Мне нужно подумать.

У меня закружилась голова, мысли стали какими-то бессвязными.

Инициация? Что за бред? В нашем совершенно предсказуемом материальном мире разве что сомнительные экстрасенсы в не менее сомнительных телепередачах могли нести подобную чушь. Хотя в Российской империи есть несколько каналов, которые показывают такое, я их никогда не смотрела.

— Папа, что происходит? — наконец смогла я выдавить из себя, ощущая, как теряю сознание.

Глава 2. Гадость. Разговор. Нападение

— Мяу, — раздалось над ухом, и я глубоко вздохнула, выплывая из сна без сновидений.

За окном уже рассвело, и комнату заливал мягкий утренний свет. Я повернула голову и увидела на подушке рядом с моей головой маленького серого котенка. Воспоминания сразу накатили лавиной, и я вздрогнула.

Отец находился тут же, обернулся и спросил:

— Вера, ты как? — Потом увидел на подушке котенка и нахмурился. — Откуда здесь взялась эта гадость?!

— Не знаю, — ответила я, окончательно просыпаясь. Села на кровати и взяла свою спасительницу на руки.

Маленькая кошечка была до изумления грязной, и я могла понять брезгливый взгляд отца. Но руки я как-нибудь помою и одежду постираю, ничего страшного в этом нет. Ведь вчера эта малышка меня спасла?

Это чудо с острыми ушками посмотрело мне в глаза и умильно склонило голову набок. У меня в груди потеплело, и я окончательно поняла, что теперь никогда ее не оставлю.

— Это теперь *моя* Гадость, — произнесла я твердо и посмотрела на отца.

Он сложил руки на груди и взглянул на меня с укором.

— Вера, ты же понимаешь, что с нашим образом жизни заводить животное — не вариант?

— Не понимаю, — мотнула я головой. — Я теперь вообще ничего не понимаю. Пап, что вчера произошло? Что значит «Вера только что прошла инициацию»?

Отец вздохнул и покачал головой.

— Вставай. Позавтракаем и поговорим. — Он снов посмотрел на котенка в моих руках. — И помой, что ли, свою Гадость, раз уж решила ее оставить, а то страшно на нее смотреть.

Мыться Гадость, как оказалось, не любила. Но я была настойчива и убедительна. Грубая сила решает. Зато потом я и за ушком ее почесала, и пузико погладила, и молочка налила — благо деревня еще не вымерла окончательно и местные жители охотно продавали нам продукты со своего хозяйства за совсем небольшие деньги.

Наконец я села за стол и требовательно уставилась на отца. Он медленно пил кофе из железной кружки и не торопился заводить разговор.

— Папа

— Поешь, — посмотрел он на меня и придвинул чугунную сковороду с глазуньей. Папа никогда не заморачивался с сервировкой.

— Ты серьезно? — возмутилась я.

Но когда он смотрит вот так — спокойно и твердо, спорить с ним бесполезно. Да и в животе так необычно громко заурчало, что я обреченно вздохнула и взялась за вилку.

— Мы едем в столицу, — дождавшись, когда я позавтракаю, сказал папа.

— В Питер? — удивилась я. — Ты уверен?

— Да. Билеты на поезд я уже оплатил.

— И что мы там будем делать? — растерянно спросила я.

Никогда не была в столице, а тут вот так вдруг

— Нам придется некоторое время пожить отдельно, — снова ошарашил меня отец, словно не слышал предыдущего вопроса.

Н-да, не такого разговора я ожидала

— В смысле?

— Ты будешь учиться в колледже искусств. Это довольно специфическое заведение с круглосуточным пребыванием. Но ты ведь и сама хотела поступить в нечто подобное, — растянул он губы в вымученной улыбке.

— Ничего не понимаю, — помотала я головой. Все, что он сейчас говорил, для меня было слишком неожиданным. — Это как-то связано со вчерашним?

— Да.

— И ты ничего не хочешь мне объяснить?

Отец промолчал, и я никак не могла уложить все это в голове. Наверное, только поэтому задала самый дурацкий вопрос из возможных:

— А как же одиннадцатый класс?

— Все школьные предметы ты продолжишь изучать в колледже. Дети туда поступают после девятого класса.

— А меня, значит, возьмут после десятого? — продолжала я тупить.

— Ты не будешь белой вороной — такие дети там тоже есть. Просто поступишь сразу во второй класс по их внутренней градации.

— Я не буду белой вороной?.. — наконец в полной мере осознала я услышанное. — Папа, ты о чем вообще?! У меня вчера из рисунка полезла какая-то хрень, а ты мне про какой-то там колледж рассказываешь?! — взвилась я со стула, отчего он отлетел назад и чуть не развалился, с грохотом упав. В этом доме вся мебель держалась на честном слове.

Все это время отец избегал смотреть мне в глаза, делая вид, что рассматривает за окном крайне интересный пейзаж. Внезапно его глаза расширились, и он прямо со стула резко прыгнул на меня и повалил на пол. Я даже удивиться не успела!

Но в следующее мгновение услышала хлопки, похожие на выстрелы, и звон разбитого стекла. А там, где я только что стояла, бревенчатую стену, осыпая нас щепками, вспороли пули.

— Держи, — бросил жестко отец и сунул мне в руку пистолет. — Стреляй во всех, кого увидишь.

И подполз к сумке, стоявшей у стены. Достал еще один ствол и кивнул мне на окно, показывая, что смотреть нужно туда, а не на него.

Мне было так страшно, что зуб на зуб от дрожи не попадал, но я подкатилась к стене, мысленно благодаря бывших хозяев дома за то, что использовали для строительства толстый брус, а не доски, которые пули прошили бы на раз. Потом выдохнула, сняла пистолет с предохранителя. И только успела это сделать, как увидела тень, мелькнувшую за окном. Пистолет привычно дернулся в руках, когда я из него выстрелила.

Отец в это время следил за другим окном. Но долго держать оборону мы не смогли бы. Понимал это и папа, поэтому бросил мне вторую обойму и приказ:

— Прикрой меня!

Я в отчаянии на него посмотрела, И, сцепив зубы, вскочила в полный рост, выпуская в окно всю обойму и одновременно смещаясь в сторону, чтобы не стать совсем уж откровенной мишенью.

Кажется, что-то чиркнуло у виска, но в следующее мгновение я спряталась за стеной, тяжело дыша и судорожно пытаюсь быстро сменить обойму. Руки дрожали, казалось, я копалась целую вечность.

Отца в доме уже не было, зато на улице раздались выстрелы.

Отстреливаться сразу на два фронта — незаколоченных окон в этом доме было именно столько, — еще и контролировать дверь я бы не смогла. А потому села так, чтобы видеть их все, и крепко сжала пистолет.

Отец многому меня учил, но в такой западне мы с ним еще не были. Пару раз ему приходилось отстреливаться, но вот мне самой использовать пистолет не на тренировках — ни разу.

Но хуже всего было состояние неизвестности. Жив ли отец? Что там происходит? Кто это кричит и чьи выстрелы я слышу?!

Вдруг стало тихо. Так тихо, что слышно, как за окном стрекочут кузнечики. Я сглотнула вязкую слюну и перехватила пистолет крепче, уже двумя трясущимися руками.

Не знаю, сколько прошло времени — сейчас я ни в чем не была уверена, — но внезапно у двери раздался шорох, и я судорожно вскинула пистолет.

Глава 3. Отец. Ранение. Разговор

— Вера, это я. Не стреляй, — услышала я голос отца и с трудом разжала почти сведенные от напряжения пальцы. В дом, держась за окровавленный бок, вошел отец и окинул меня обеспокоенным взглядом. — С тобой все в порядке? Что это? — подскочил он ко мне, забыв о ранении. — Почему у тебя волосы в крови?

— Где? — удивилась я и провела рукой по голове.

И только после этого почувствовала жжение над ухом. А еще что саднят ободранные при падении руки и болят ушибы.

— Небольшая ранка, — отмахнулась я неуверенно. — Ничего серьезного. А вот ты как? Меня слегка повело от вида и запаха его крови, но я старалась держаться.

— Похоже, по касательной задело, — поморщился отец, продолжая зажимать рану. — Повезло.

— Нужно перевязать! — в панике воскликнула я и бросилась за своим рюкзаком, в котором всегда лежала укомплектованная всем необходимым аптечка.

— Давай быстрее, — прошипел отец, когда я обрабатывала ему рану. — Нужно отсюда сейчас же уезжать. Здесь больше нельзя оставаться. И так задержались слишком долго.

— Уедем, — буркнула я, стараясь справиться с дрожью в руках и наклеивая на рану специальный пластырь, после чего принялась обматывать торс отца бинтом.

— Это уже лишнее.

— Сиди и молчи! — рывкнула я на него, закрепила бинт и совершенно неожиданно для себя разревелась.

Я ведь только что могла потерять единственного оставшегося у меня родного человека!

— Ну тише, тише, — обнял меня отец. — Все будет хорошо. Давай-ка лучше я твою рану тоже обработаю.

— Да какая это рана? — всхлипнула я и снова дотронулась до волос.

— Самая настоящая. Боевая, — грустно усмехнулся отец и быстро обработал царапины на голове и руках перекисью. Я зашипела от боли. — Молодец, а теперь переодень майку, а то вся в крови, и достань чистую мне.

Отец был прав. Вот только кто на нас напал на этот раз?

Этот вопрос я задала ему, когда мы с ним и Гадостью ехали в машине, а деревня скрылась за поворотом.

Старенький ВАГ вовсю пыхтел. Он был нашей резервной машиной, которой мы воспользовались для побега из города всего несколько дней назад. Но наши преследователи все же как-то нас вычислили и на этот раз почему-то решили не ждать ночи. Я видела их машину за деревней, когда мы проезжали мимо.

Я откинулась на спинку сиденья. И почему оно такое жесткое? Раньше отец лишь изредка выезжал на ВАГе — чисто чтобы удостовериться, что он на ходу. Ну и чтобы научить водить меня.

Прав у меня пока не было, но вести машину я могла. Однако управлять именно ВАГом не любила. Мне больше нравились «Амур» или «новгородец». У них и салон комфортнее, и автоматическая коробка передач, а не вот это все с дерганием рычага и тремя педалями. Не отказалась бы я покататься и на элитном «орле», но

что-то меня понесло не туда. Нервы. Или отходняк?

— Так кто на нас опять напал, пап? — повторила я вопрос. — Люди деда?

— Нет. — Отец дернул щекой. Он не любил говорить о родственниках мамы. — Они бы стреляли только в меня. А в этот раз убить хотели тебя. Похоже, это были его враги. —

И совсем тихо сквозь зубы добавил: — Неймется же им всем. Но если бы не их азиатские физиономии, то я подумал бы, что о тебе уже успел узнать Орден очищения.

— Какой еще Орден очищения? — нахмурилась я.

— Это сборище тех, кто охотится за такими, как ты, — вздохнул папа, выезжая на трассу.

— Как я? — эхом повторила я, вглядываясь в напряженное лицо родителя.

Отец ответил не сразу. Лишь когда напряжение в салоне стало почти невыносимым, произнес:

— Я думал, все это обойдет тебя стороной, но ошибся.

— Что «это»? — Я сглотнула. — Ты имеешь в виду тот оживший рисунок?

— И это тоже. — Отец с силой потер лицо ладонью и коротко глянул на меня. — Понимаешь, у нашего мира есть другая сторона. Я надеялся, что ты никогда с ней не столкнешься и спокойно проживешь жизнь без этого всего. Тебе и так хватает приключений. Осталось потерпеть совсем немного, но — Отец замолчал, словно ему было физически больно говорить.

— Папа, я должна знать, что происходит и кто я такая, — твердо произнесла я, хотя внутри все дрожало от сдерживаемых эмоций.

— Я не могу, — напряженно ответил он и вцепился в руль до побелевших костяшек.

— Не можешь или не хочешь? — уже злясь, уточнила я.

— Не могу, — ответил он.

И я больше не смогла сдерживаться и почти закричала:

— Почему?! Неужели я не имею права знать правду?! Что со мной происходит?!

На глазах выступили слезы обиды. Почему мой собственный отец, тот, кому я больше всех в этом мире доверяла, не доверял мне?!

— На меня поставили печать о неразглашении! — посмотрел он на меня с мольбой и, поморщившись, внезапно потер грудь в районе сердца.

Его лицо после этого так стремительно побелело, что я вскрикнула:

— Папа!

Я ухватила за руль машины, которую повело из-за того, что руки отца ослабли.

Он нажал на тормоз, и мы остановились прямо посреди дороги. Благо машин на трассе сейчас не было.

— Папа! — Испытывая самую настоящую панику, я начала теревать его за плечо.

— Вера, успокойся. Все хорошо, — попытался утихомирить меня отец. — Сейчас все пройдет.

— Мяу! — словно вторя ему, мяукнула с заднего сиденья Гадость и, забавно дергая лапками, попыталась перебраться ко мне вперед.

— Лучше Гадость свою успокой, она тоже распереживалась, — устало улыбнулся отец.

И я заметила, что ему и в самом деле становилось лучше с каждой секундой. По крайней мере, у него выровнялся цвет лица, хотя из-за кровопотери он все же был бледноват.

Я подхватила Гадость на руки и на всякий случай задрала футболку отца, чтобы посмотреть, не открылось ли кровотечение. К счастью, пока все было хорошо.

— Папа, что это было? У тебя проблемы с сердцем? Почему я этого не знала?

— Нет у меня никаких проблем. Я уже объяснил тебе, в чем дело. — Он устало прикрыл глаза. — Я просто физически не могу сказать тебе большего.

Печать о неразглашении

В голове промелькнули мысли о нейропрограммировании и прочей хтони, о которой я где-то когда-то слышала.

— Тогда молчи, — тут же отреагировала я. Мне сегодня хватило волнений за его жизнь по самое «не хочу». — Сама как-нибудь все узнаю.

— Узнаешь, — тяжело вздохнул отец и добавил с мрачной обреченностью: — Обязательно узнаешь.

Интерлюдия 1

Сто шестьдесят восемь лет назад

Лондонское географическое общество

Спор не утихал с самого утра. В кабинете, обитом дорогими сортами дерева и обставленном в лучших охотничьих традициях, уже не первый раз спорили трое.

— Господа, я не знаю, что там находится, но мы должны попробовать!

— Ричард, Атлантиду или то, что ею считают, находили уже несколько раз. Я лично провел в наших архивах и в архивах Ватикана не один месяц в поисках этой информации, и знаешь что?

— Что? — устало вздохнул Ричард, потому что уже не раз слышал аргументы друга.

— Ни к чему хорошему это не приводило! Каждый раз за любопытство нескольких человек платило все человечество!

— Морган, вот не надо, не нагнетай, — поморщился третий участник дискуссии, — ты передергиваешь. По моему глубокому убеждению, все эти события не связаны между собой. Я вообще считаю, что Атлантиду так и не нашли. И именно поэтому о подобных фактах в архивах и хрониках написано так неопределенно.

— Это потому, что мы находим лишь следы этих записей! Сами же точные упоминания специально уничтожили! При изучении архивов это становится совершенно ясно!

— Морган, ты себя накручиваешь. Причем совсем необоснованно! Я ведь тоже изучал все то, о чем ты говоришь. И я уверен, что если Атлантида и хранит какие-то тайны, то навредить человечеству они не могут.

— То есть тебе ни о чем не говорит, к примеру, взаимосвязь, которая вырисовывается между последним зафиксированным посещением Атлантиды и последовавшими за этим темными веками Средневековья с их охотой на ведьм и прочим мракобесием?

— Это нормальное течение истории, Морган! Любая цивилизация претерпевает взлеты и падения!

— Грег, а ты точно читал материалы из Ватикана? — с возмущением посмотрел на него друг.

— Читал. И считаю, что ты неправ. Ты проводишь неверные параллели.

— Это еще почему?

— Да потому, что если следовать твоей логике, то падение Римской империи, появление Будды и даже Христа произошли из-за того, что кто-то побывал в Атлантиде! — взмахнув руками, эмоционально почти выкрикнул Грег.

— Ну ты не перегибай, — нахмурился и опустил глаза Морган.

Как истинно верующий человек, он даже подобные мысли считал богохульством.

— Друзья мои, — снова вступил в разговор Ричард. — Все, о чем вы говорите, недоказуемо. А потому будет будоражить умы людей до тех пор, пока не станет известна правда. Мы ведь даже не знаем, что такое Атлантида. Вы ведь читали доступные нам документы. Не те побасенки, что есть в общем доступе, а те, что пылятся в засекреченных архивах. Так вот, там нет точного определения Атлантиды. В разных источниках это то город, то корабль, то дом, то вообще ковчег в том понимании, которое в это слово вкладывает Священное Писание.

В кабинете повисла напряженная тишина. Каждый думал о своем и пытался принять решение. Наконец Ричард пристально посмотрел в глаза друзьям и произнес:

— Господа, мы можем опасаться Атлантиды, но мы просвещенные образованные люди, способные понять гораздо больше наших предков. Мы в состоянии справиться с любыми трудностями, а при необходимости сможем отступить. Но мы должны хотя бы попытаться проникнуть в эту тайну!

Грег кивнул. Морган же некоторое время думал, сверля взглядом лист с координатами, которые им удалось вычислить после многочисленных изысканий. Представил, что вот прямо сейчас забросит все, чем горел последние семь лет, и решительно кивнул:

— Согласен.

Глава 4. Поезд. Воспоминания. Кафе

Колеса поезда отстукивали привычный ритм, а я пыталась высмотреть за окном что-то, что правдоподобно и без всякой мистики объяснило бы произошедшее несколько дней назад с моим рисунком.

«Понимаешь, у нашего мира есть другая сторона», — всплыли в голове слова отца. Что это значит? Какая еще сторона? И куда нужно смотреть, чтобы ее увидеть?

Я вздохнула.

После того случая я так больше и не взяла в руки карандаш. Мне было банально страшно. Напрашивался закономерный вопрос: что, если я нарисую какое-нибудь существо, а оно оживет и первым делом начнет охотиться на меня? Или оживать могут только странные нарисованные тени? А неодушевленные предметы? Они могут материализовываться?

Я резко выдохнула и взялась за ручку подстаканника. Отпила чай и прикрыла глаза. Люблю в поездах пить чай. Для меня без него и поезд не поезд. Посмотрела на спящего на соседней полке отца. После ранения ему нужно было восстанавливать силы, и сон — лучшее лекарство.

Невольно вспомнился случившийся недавно разговор о колледжк, который должен был стать для меня не только местом учебы, но и местом, в котором, по словам отца, меня ждала безопасность.

Чуть раньше

— Так что ты говорил насчет колледжа? — посмотрела я на папу, который устало оперся на стенку купе, в котором выкупил все места. — Сколько лет там вообще учиться? — И, спохватившись, спросила: — Надеюсь, об этом тебе можно рассказывать?

— Можно, — усмехнулся он, глядя на мое сосредоточенное лицо. — Четыре. И меня заверили, что после этого колледжа перед тобой будут открыты двери любого университета.

Я заинтересованно вздернула брови.

— А как этот колледж вообще называется?

— Колледж искусств имени святой Параскевы Пятницы.

Я нахмурилась. Об этом колледже знали все, кто хоть как-то связан с искусством. Но при поступлении туда всегда запредельный конкурс, а меня взяли вообще без экзаменов?! Неве-
роятно.

Но спросила я все же о другом:

— Насколько я знаю, форма обучения там совершенно обычная. Жить на территории колледжа не нужно.

— Тебя зачислили на особое закрытое отделение. Его корпус расположен в окрестностях Санкт-Петербурга в усадьбе Пятая Гора.

— Особое закрытое отделение — протянула я и нервно рассмеялась. — Звучит зловеще. Не находишь?

На самом деле это звучало так, будто отец хотел сдать меня в дурку, но я знала, что он никогда бы на такое не пошел, а потому ждала разъяснений.

— Наверное, — отзеркалил он мою усмешку. — Но там действительно безопасно. Одно то, что ты станешь его студенткой, защитит тебя от — Он запнулся, и я поняла, что он имел в виду Орден очищения, о котором говорил перед тем, как его скрутило. — некоторых проблем.

Раздался стук в дверь купе и голос проводника:

— Ваш чай.

Витебский вокзал встретил нас прохладной моросью, и после духоты поезда воздух столицы показался на удивление свежим.

— Нам в метро? — оглядываясь по сторонам, спросила я отца и погладила вертевшую головой Гадость.

— Нет, тут пешком недалеко. — Папа неопределенно качнул головой.

Я с интересом осматривалась по сторонам, изучая город. Казалось, вот сейчас я увижу ту самую «другую сторону» этого мира, но то ли я просто была не в силах ее увидеть, то ли все было не так очевидно, однако ничего сверхъестественного я с ходу не заметила.

Отец косил на меня ироничным взглядом, но молчал. И если бы не висевшая на нем клятва, я бы его уже замучила вопросами.

Совсем скоро мы оказались у входа в какое-то кафе. Стоило его двери закрыться за нашими спинами, как человек, занимавший столик в самом углу, приподнял руку.

— В этом году Нева как никогда полноводна, — встретил он нас весьма странными словами.

— Спорить не стану, но сам схожу и проверю, — очень серьезно ответил отец.

И я поняла, что только что стала свидетельницей обмена настоящими «шпионскими» паролями. Даже интересно стало, всегда ли отец их использует при контакте со связными дяди Германа. Раньше он меня на такие встречи не брал.

— Присаживайтесь, — дружелюбно кивнул нам незнакомец и отпил из чашки кофе.

После чего достал из коричневого кожаного портфеля небольшую статуэтку Будды. В это же мгновение статуэтка ожила: открыла глаза, сложила руки перед собой в молитвенном жесте и застыла, будто была сделана с такой позой изначально. Шедший в это время к нам официант внезапно замер, словно забыл, куда и зачем стремился, взгляд его стал расфокусированным. Он растерянно постоял на одном месте, но потом его окликнули с другого столика, и официант словно с облегчением поспешил на зов.

Я округлившимися глазами смотрела то на статуэтку, то на официанта. Мне же не показалось?

Своим глазам я доверяла! Наверное

— Не обращайтесь внимания. Теперь нас до окончания беседы никто не потревожит, — сказал, пристально наблюдая за мной, мужчина.

— Что это было? — не выдержала я.

— Значит, вы и в самом деле совершенно не в курсе происходящего, — нахмурился связной и вопросительно посмотрел на отца. Тот кивнул. Тогда мужчина задал ему короткий вопрос, смысла которого еще недавно я бы не поняла: — Печать? — Отец снова кивнул, и мужчина понимающе усмехнулся. — Меня предупреждали, но я думал, что все не так запущенно. Обычно в семьях, где уже были одаренные, у детей информации больше.

— Что значит «в семьях, где уже были одаренные»? — нахмурилась я и посмотрела на отца. — Пап?..

— Майя. Твоя мама, — коротко произнес отец.

У меня брови поползли на лоб.

— Да, по нашим сведениям, в роду вашей матери часто рождались одаренные. Но вы последняя его представительница. Хотя утверждать это с полной уверенностью мы не можем — ваша мать была подданной другого государства, и отследить ее родословную досконально не представляется возможным.

Голова шла кругом от таких откровений. Всю жизнь я, оказывается, прожила, не зная ничего о собственной матери. Для меня она была учительницей с не самыми лучшими родственниками, от которых она сбежала в Российскую империю, и вот на тебе

— Кто такие одаренные? — решила я пока отложить тему родственных связей и задать более актуальный для меня вопрос, потому что спрашивать отца об этом из-за его печати о неразглашении я просто боялась — вдруг ему снова станет плохо?

— Это люди, чье биополе способно резонировать с эфиродинамическим полем Земли и использовать его энергию для проявления паранормальных или творческих способностей, — будто издеваясь, произнес мужчина всю эту, как мне показалось, абракадабру.

— Эфиродинамическим полем, значит — попыталась я вычленить хоть что-то. — И мое биополе, получается, способно с ним как-то взаимодействовать.

— Судя по тому, что вы сейчас сидите передо мной и я должен передать вам приглашение в колледж именно для таких одаренных — он подбадривающе улыбнулся, — да.

— Хор-р-рошо, — протянула я. — А что конкретно я смогу делать при помощи этого вашего поля?

— Кратко его называют эфди-полем, — заметил мужчина.

— Д-да, — кивнула я. — Так что я смогу при его помощи делать?

— Боюсь, что с этим вам нужно будет разобраться самой. Не существует двух совершенно одинаковых даров. Похожие — да, но нюансов много, и носитель должен сам их изучить. Хотя дары и нюансы, которые проявляются в одном роду, бывают очень похожими. Жаль, что ваша мать не сможет вам ничего рассказать. Но можете не переживать: в колледже вам помогут. Преподаватели научат вас общим правилам взаимодействия с даром, расскажут, как усмирять слишком активные проявления, и помогут, если дар будет выходить из-под контроля.

— А он может? — напряглась я.

— Любой дар, если не знать, как с ним управляться, может выйти из-под контроля, — расплывчато ответил мужчина. — Именно поэтому так важно вовремя найти и обучить носителя.

Я представила, что было бы, если бы мои рисунки начали оживать, скажем, лет пять назад, когда я активно увлекалась японской мифологией и рисовала различных ёкаев и прочую нечисть, и вздрогнула. Меня теневая рука чуть до инфаркта не довела, а если бы вылезло целое страшилище?

Гадость, все это время тихо сидевшая на моих коленях, заворочалась и прыгнула на стол. Я поспешила схватить ее и прижать к груди.

— А когда обычно у людей просыпается дар? — поинтересовалась я.

— Обычно с шестнадцати и примерно до двадцати лет. Хотя это скорее крайние значения. Но примерно так.

— А

— Боюсь, что отвечать на ваши вопросы у меня нет времени. — Мужчина посмотрел на часы и достал из портфеля бумаги. — После того, как я рассказал вам основополагающие вещи, вы стали посвященной, и теперь ваш отец сможет поделиться с вами некоторой информацией, хотя ограничений у него все равно хватает. Но вы скоро отправитесь в колледж. Там восполнят все пробелы в ваших знаниях. Советую не пренебрегать библиотекой и плотнее познакомиться с *реальной* историей мира.

— *Реальной* историей мира — тихо повторила я и круглыми глазами посмотрела на отца, для которого все это, судя по его виду, не было откровением.

Сказать, что я оказалась потрясена всем услышанным, — ничего не сказать. Однако понимание, что произошедшее со мной имеет какое-то пусть и мистическое, но логическое обоснование, успокаивало. А еще я радовалась, что не одна такая. Что-то подсказывало, что всем уникалам прямая дорога в секретные лаборатории — да, я уже сто раз успела обдумать и

этот вариант развития событий. Но отец заверил, что в подобную лабораторию сейчас можно попасть разве что по собственному желанию, но лет пятьдесят назад все могло быть иначе.

— Вот. — Связной протянул нам бумаги. — Это ваши новые паспорта, а это приглашение в Колледж искусств имени святой Параскевы Пятницы. Занятия начинаются первого числа, но в колледж лучше прибыть хотя бы за день.

Мужчина встал, положил фигурку Будды в портфель, чуть поклонился в знак прощания и, спохватившись, произнес:

— Да, Герман Федорович просил вам передать, что историю с деревенским домом он взял под свой контроль и вам не о чем беспокоиться.

Он покинул кафе, и отец облегченно выдохнул.

Некоторое время мы сидели в тишине. Папа явно ждал моей реакции, а я Мне вдруг показалось, что все это — игра моего воображения или слишком реалистичный сон. И отчего-то это ощущение мне не понравилось.

— Как, оказывается, непросто наш мир — протянула я и обозначила на лице улыбку.

Не знаю, что ожидал услышать отец, но после этих слов он облегченно выдохнул.

— Да. Я сам долго не мог во все это поверить. Жить без этого знания однозначно проще, но — он сделал большие глаза и улыбнулся, — не так интересно.

Я оценила усилия отца поднять мне настроение и посмеялась вместе с ним. Но затем он углубился в изучение документов, а я задумалась и не сразу услышала, что ко мне обращаются. Маленький шершавый язычок Гади, которая принялась вылизывать мою ладонь, вернул меня в действительность, и я посмотрела на склонившегося надо мной официанта.

— Так вы что-то уже выбрали? — явно не первый раз спросил он.

Есть не хотелось совсем. Мне бы сейчас переварить свалившуюся на меня информацию, но никак не еду

Внезапно мой взгляд скользнул за окно. Там, шурясь на вышедшее из облаков питерское солнце, стоял симпатичный парень в косухе и с удовольствием откусывал от рожка мороженого большой кусок. На его мощной шее без труда можно было заметить странную татуировку, и я невольно залипла на ней взглядом. Было понятно, что я вижу лишь кончик татушки, и в голове невольно рождались мысли о том, частью чего этот кончик является.

Внезапно парень, словно почувствовав, что на него смотрят, повернул голову и посмотрел мне прямо в глаза. Я хлопнула ресницами и, смутившись, поспешила опустить голову, жалея, что заплела волосы в косу и не могла за них спрятаться, как за занавесой.

— Так вы что-то выбрали или подойти позже? — нетерпеливо повторил официант.

— Д-да. Да. Мороженое. Я буду мороженое, — неожиданно для себя самой ответила я, и моя голова помимо моего желания снова повернулась к окну.

Как раз в этот момент к парню подошла красивая темноволосая девушка, которую он с самодовольной улыбочкой притянул к себе за талию и поцеловал в губы.

Мои щеки зажглись не просто румянцем, а огнем.

— Я тоже буду мороженое, — оторвавшись от чтения документов, произнес отец и посмотрел на меня. — Вера что-то случилось? С тобой все в порядке?

Со мной точно было не все в порядке, но я вымучила улыбку и кивок.

Глава 5. Питер. Торговый дом. Орден очищения

Время до начала занятий пролетело незаметно. Несмотря на постоянные опасения отца, что нас снова выследят недруги или Орден, мы с ним облазили всю историческую часть города и посетили открытую для посещений часть Эрмитажа. Благо императорская чета отдыхала сейчас в Петергофе и открытых залов было больше.

Хотя отец мне многозначительно намекнул, что самое интересное в Эрмитаже сокрыто от обычных посетителей и во время учебы в колледже нас наверняка привезут сюда на экскурсию и покажут гораздо больше.

Это интриговало, но даже и без всего этого впечатлений у меня хватало.

Очень сильно меня впечатлили величественные соборы столицы: Спас на Крови, Исаакиевский собор, Казанский кафедральный собор. Я, открыв рот, разглядывала их убранство и восхищалась мастерством людей, которые участвовали в их создании.

В музеи отец со мной идти отказался — ему хватило Эрмитажа. А все потому, что я любила изучать детали, могла стоять у одной картины целый час, в то время как отец за этот час успел бы обойти весь музей, но маялся рядом со мной, не желая оставлять меня одну в общественном месте.

За эти дни я успела немного выдохнуть и выветрить из головы воспоминания о рисунке, нападении и опасениях, связанных с даром. Наверное, именно ради этого в Питере отец и наступал на горло своей паранойе, позволяя мне осматривать город. Хотя я ожидала, что до начала занятий он запретит меня в квартире, которую для нас нашел дядя Гера, и не разрешит из нее и носа высунуть.

Но справляться с паранойей у папы получалось не всегда.

Например, отпускать меня без сопровождения даже в магазин за продуктами он категорически отказывался. Но я была уверена, что теперь нас так быстро не найдут. Питер — не деревня, где все посторонние на виду, а огромный город.

А Орден Отец явно дул на воду, хотя таким параноиком он стал именно после того, как стало известно о моем даре.

— Папа, ну нельзя же так! — возмутилась я, когда он засобирался пойти со мной в торговый дом. Завтра ехать в колледж, и мне нужно было купить все необходимое. А выбирать с отцом нижнее белье, да и вообще все, мне не хотелось. — Я скоро задохнусь от твоей неустанной опеки! Мне сегодня исполнилось восемнадцать лет, а не пять!

— Прости, Вера, но одна ты никуда не пойдешь, — строго отрезал отец, и не думая оставаться в квартире.

— Да почему?! — всплеснула я руками и развернулась на пятках, закатывая глаза. — Неужели ты думаешь, что нас так быстро найдут? В Питере-то? Тут же миллион человек!

— Твое шапкозакидательское настроение я понимаю: сложно постоянно находиться в напряжении и ожидании нападения. Особенно в твоем возрасте, — вздохнул отец. — Но одну я тебя никуда не отпущу. Я все сказал.

Я обреченно выдохнула:

— Хорошо. Как скажешь. Если хочешь со мной идти — иди, но учти: пощады не будет! Пока не куплю все, что мне нужно, торговый дом мы не покинем!

— Ну хоть поесть отцу ты разрешишь? — усмехнулся он.

— Посмотрю на твое поведение, — буркнула я и погладила подбежавшую к ногам Гадость. Дотронулась пальцем до прохладного носика котенка: — А твоя еда уже в миске. Голодной не останешься.

В торговом доме Елисеевых — самой обширной и популярной торговой сети в империи — мы провели немало времени. Что отвратительно, отец и в самом деле таскался со мной по всем магазинам. Но хуже всего было, когда он решал мне помочь и приносил для примерки какие-то вещи. В такие моменты я ощущала себя мадагаскарским пингвином, потому что могла только улыбаться и махать, вернее — отмахиваться. Благо отец понимал мои гримасы верно и не настаивал.

Но однажды он показал мне на одну неприметную дверь на углу. Вернее, я и заметила-то ее только потому, что на нее указал отец.

— Видишь?

— Ну да.

— Когда ты получишь в колледже пропуск, она откроется и для тебя, — загадочно произнес он.

Я несколько мгновений недоуменно на него смотрела, а потом до меня дошло!

— За ней находится какой-то специальный магазин?

— Нет, — усмехнулся отец, — за ней находится лифт на еще один этаж торгового дома. Но нас туда пока не пустят. Или ты думаешь, что, к примеру, невероятные платья, которые ты видишь по телевизору на красных дорожках, сделаны из обычных тканей? А украшения? Знаешь, сколько из них артефакты с весьма интересными свойствами?

— Но — Я прикинула размер здания. — Еще одного этажа здесь нет.

— Ошибаешься, — снова усмехнулся отец. — Если ты чего-то не видишь, это не значит, что этого не существует.

Я вспомнила, как маленькая статуэтка Будды рассеивала вокруг нас внимание в кафе, и с изумлением догадалась:

— Это происходит благодаря артефактам! С ума сойти! А чего еще я не вижу?

— Поверь, таких вещей достаточно, — загадочно проговорил отец. — Но я стараюсь пока тебя всем этим не грузить.

— А в городе есть еще такие здания? Которых обычные люди не видят?

— Есть, конечно! Люди научились использовать эфди-поле и способности одаренных для очень многих целей. Ты обо всем узнаешь, а пока вперед! У тебя еще не выполнен план по покупкам. — Он сделал большие глаза.

Я улыбнулась. Прекращать эту беседу очень не хотелось, но я понимала, что клятва отца не снята, хотя теперь и имела в отношении меня послабления. А потому предпочитала не настаивать, решив, что отец сам решит, что мне можно рассказывать, а что нет.

Наконец я купила все, что было нужно. Почти. Но в оставшийся магазин идти вместе с отцом очень не хотелось, о чем я ему и сообщила:

— Папа, в отдел белья я могу пойти одна или ты и там будешь стоять у меня над ду помочь мне с выбором?

— Так и быть, подожду тебя здесь, — усмехнулся папа, не забыв при этом взглядом проверить магазин, в который я собиралась войти.

— И на том спасибо, — проворчала я, отворачиваясь и делая большие глаза.

Я все понимала — опасности и все такое, — но сегодняшний день показал, что к такой плотной опеке я не готова.

Теперь даже проживание на закрытой территории колледжа не казалось таким уж неприятным. Если там у меня будет хоть немного больше свободы — уже неплохо.

Выбрав несколько хлопковых удобных комплектов белья — я предпочитала спортивный стиль без кружев и провокационных форм, — я вышла из магазина и огляделась. Отца видно

не было, но внезапно мое внимание привлек парень в косухе. Тот самый, которого я увидела в свой первый день пребывания в столице. Он стоял у кофе-аппарата и выглядел так, будто всю ночь развлекался, а его разбудили через час после того, как он заснул, и заставили тащиться не пойми куда. Однако стоило отдать брютету должное: даже такой взъерошенный, он выглядел привлекательно и как-то дерзко.

Парень огляделся мутным взглядом и отпил кофе из пластикового стаканчика. Выразительно скривился, будто кофе был совсем уж отвратительным, и посмотрел на наручные часы.

В этот момент к нему подошел жуликоватого вида тип и что-то сказал. Парень кивнул, достал из кармана небольшой предмет и протянул ему. Тип воровато огляделся, забрал это нечто из рук парня и протянул ему в ответ белый конверт. Парень тут же спрятал его во внутреннем кармане куртки, огляделся цепким взглядом и внезапно остановил его на мне. Сощурился. А я ощутила, как по спине побежали мурашки нехорошего предчувствия.

Уж не знаю, что этот парень здесь только что провернул, но это меня точно не касалось, и бежать куда-то, чтобы об этом рассказать, я не собиралась. Надеюсь, он тоже так подумает. Однако то, с каким видом он шагнул в мою сторону, пошатнуло мою надежду.

— Вера, ты уже освободилась? — внезапно раздалось из-за спины, и я чуть не подпрыгнула от неожиданности.

— Папа! — выдохнула я и облегченно улыбнулась. — Да, вот, купила все, что нужно. — И показала ему картонный пакет с эмблемой торгового дома Елисеевых.

— Тогда, может, пойдем поужинаем? Я что-то уже проголодался.

— Хорошо, я не против, — ответила я чуть нервно и обернулась.

Парня нигде видно не было, и я мысленно поблагодарила за это всех святых. Не хватало мне еще нажить проблем на ровном месте.

Но как оказалось, искать неприятности было не нужно — они нашли меня сами.

— Завтра выедем пораньше, — приобнял меня отец, когда мы вышли из торгового дома. — Тогда у тебя будет целый день, чтобы освоиться в колледже перед учебой.

— Ага, — кивнула я.

— И теплые вещи не забудь. Даже сейчас вечером бывает прохладно.

— Хорошо, — вздохнула я, вспоминая пушистую желтую кофту на пуговицах, которую отец так настойчиво мне сегодня всучил.

А когда я все-таки согласилась ее купить, то выглядел страшно счастливым! Хотя я в ней похожа на только что вылупившегося цыпленка. Никогда в жизни ее больше не надену.

— И

— Пап, ты так волнуешься, будто мы первый раз переезжаем. Не переживай, все будет хорошо.

— Я в этом не сомневаюсь, но Ты ведь теперь будешь жить сама, и, если что, я не смогу тебе помочь.

— Вообще-то родителям, если ты читал правила колледжа, разрешают приезжать туда чуть ли не каждые выходные. Да и студентам, насколько я знаю, покидать стены колледжа не запрещают.

— Это не твой вариант, — поспешно возразил отец с серьезным лицом. — Тебе лучше не высовываться за его территорию. А я, конечно, буду стараться приезжать к тебе почаще.

Так, болтая, мы дошли до припаркованной во дворе неподалеку машины. От старенького ВАГа, на котором мы совсем недавно убегали, отец избавился и купил неприметный, но гораздо более комфортный «Амур».

Однако не успели мы до него дойти, как за нашими спинами раздалось:

— Не торопитесь.

Отец тут же выпустил из рук многочисленные пакеты и резко развернулся, словно из ниоткуда выхватывая пистолет и наводя его на странную троицу в черных офисных костюмах.

— Не нужно резких движений. — Губы неприметного мужчины, стоявшего посередине, растянулись в змеиной улыбке. — Вы уже давно на прицеле. — Он скосил взгляд на окна двора, и я увидела в одном из них блеснувший в заходящем солнце прицел винтовки. — Вячеслав Владимирович, лучше опустите пистолет. Ваша дочь, Вера Серова, едет с нами.

Значит, Вера Серова? Не Стужева? Похоже, им известна та моя фамилия, на которую мы получили документы уже в Питере.

— Кем бы вы ни были, моя дочь с вами никуда не поедет, — спокойно возразил отец. — И советую вам убраться отсюда побыстрее. Я включил маячок, и СБРО[1] уже в пути.

— Орден очищения нашел ее первым, и теперь она принадлежит нам, — продолжая улыбаться, ответил этот мерзкий мужик. — Но не волнуйтесь, Вячеслав Владимирович, если она не будет сопротивляться, то мы спокойно заблокируем ее дар и вернем девочку вам.

У отца от этих слов побелели скулы — явный признак того, что он в бешенстве.

— В виде овоща? — наконец зло хмыкнул он.

— Если у девочки дар слабый, а в первом поколении одаренных обычно так оно и есть, то у нее могут всего лишь возникнуть небольшие проблемы со здоровьем.

— Да, я слышал, что-то плевое вроде рака или других тяжелых аутоиммунных заболеваний, — со злым сарказмом ответил отец, и мерзавец, сделав скорбную мину, развел руками.

У меня же по телу пробежали мурашки ужаса. Насколько я успела узнать, я далеко не первая одаренная в своем роду, и что-то мне подсказывало, что в моем случае все пойдет по худшему сценарию.

Я заозиралась активнее, ища пути отступления. Лучше уж сразу умереть...

— Вера никуда с вами не пойдет, — произнес отец. — Она уже под защитой Ордена одаренных. Более того, она поставлена на учет и зачислена в Колледж искусств имени Параскевы Пятницы. Вы не нашли ее первыми и не имеете никаких прав применять к ней силу.

Вот теперь физиономию мужика перекосило, но он быстро взял себя в руки.

— И откуда такая осведомленность у простого учителя физкультуры? — Он явно читал только нашу поддельную биографию и не ожидал сопротивления. Ну или рассчитывал легко и просто нас прикончить, если мы дернемся. — Уверен, это блеф. У вас нет подтверждающих документов. И если вы сейчас окажете сопротивление, то мы вас обоих просто пристрелим, — словно вторя моим мыслям, закончил он и кивнул своим сопровождающим.

Те сделали шаг вперед, а я невольно вжалась в дверь машины, но следующие слова отца остановили людей в костюмах:

— И нарушите договор, который существует уже более пятидесяти лет? Хотите развязать войну? Что-то мне подсказывает, что после такого вы сами проживете недолго. Замять инцидент не получится. СБРО вот-вот будет здесь. А документы у меня есть. Во внутреннем кармане куртки. — И он медленно достал сложенный вдвое листок бумаги.

Его нам выдали вместе с документами, но я не придавала ему значения. Как оказалось — зря. Да и Орден очищения я, похоже, сильно недооценила.

Но вот что еще за Орден одаренных? Я же никуда не вступала!

Мерзкий мужик со змеиной улыбкой дернул щекой, подошел к моему отцу и попытался вырвать из его ладони документ, но отец отдернул руку и развернул листок:

— Печать вы можете рассмотреть и из моих рук.

Несколько долгих мгновений мужик разглядывал документ, после чего перевел полный ненависти взгляд на моего отца. Стоял он так не меньше минуты, и я была уверена, что балансировал на грани того, чтобы отдать приказ нас уничтожить.

Не знаю, чем бы это закончилось. Отец не отводил от него взгляда, и мне казалось, что это напряжение, туго замешанное на ненависти, могло воспламенить воздух.

Вдруг в переулок въехал и резко затормозил черный микроавтобус, и из него горохом посыпались люди в спецодежде и балаклавах.

Мужик в костюме тут же отступил от отца и поднял руки ладонями вперед:

— Произошло недоразумение. Орден очищения не имеет претензий к этим людям.

Разбирательства затянулись ненадолго. Я все это время приходила в себя в машине. Неужели меня из-за моего дара и в самом деле могли превратить в овощ?

Когда все разъехались, отец сел за руль и посмотрел на меня с виноватой улыбкой.

— А ты говоришь, невозможно найти так быстро в Питере — Он покачал головой с сочувствием и добавил, проведя пальцем по моей щеке: — Эх, не задалось твое восемнадцатилетие

— Не задалось — вздохнула я, уже напрочь забыв, что у меня вообще-то сегодня день рождения.

— Давай заедем за тортиком, а ужин закажем домой. Что-то мне подсказывает, что желание ехать в ресторан у тебя пропало.

Я вымучила улыбку и откинулась на спинку сиденья.

На следующий день рано утром, пока еще не было пробок на дорогах, мы выехали за город, свернули на Киевское шоссе и поехали в сторону усадьбы Пятая Гора, в которой располагался колледж для странных детей. Конечно, назывался он иначе, но именно такой — странной, а никак не одаренной — я себя чувствовала.

— Можешь немного подремать. Нам еще часа полтора ехать, — надевая солнцезащитные очки, посоветовал мне отец.

— Ага, вот прямо сейчас взяла и заснула, — буркнула я себе под нос и отвернулась к окну.

Я даже ночью спала плохо. Сначала долго не могла отключиться, потом снилось не пойми что, и я постоянно просыпалась. А потом Гадя решила, что хочет играть и я обязательно должна составить ей компанию. Я пыталась взять себя в руки и успокоиться, но была настолько взбуждена предстоящими переменами в жизни и пережитым вечером, что просто не могла расслабиться, и поспать в дороге даже не рассчитывала.

В голове роилась куча мыслей, крутилось множество вопросов. А еще мне было страшно. Но в этом я бы никогда и никому не призналась. Потому что я — Вера Стужева! А Стужевы всегда смотрят своим страхам в лицо и принимают вызовы судьбы с гордо поднятой головой. Отец всегда так говорит.

Я прикрыла глаза, стараясь отрешиться от пейзажа за окном, и внезапно услышала незнакомый голос:

— Пойдем в кафе?

Я медленно повернула голову и, к своему удивлению, увидела на водительском месте не отца, а того самого парня в косухе.

— Ч-чего? — обалдела я от такой подмены.

— Пойдем в кафе, поедим мороженое, — как ни в чем не бывало произнес парень и остановил машину.

Я огляделась и поняла, что мы приехали совсем не в усадьбу, а вернулись обратно в Питер как раз к тому кафе, где я впервые увидела этого странного парня.

Он первым вышел из машины и открыл мою дверь, предлагая выйти.

Не понимая, что происходит и как быть, я вышла и в растерянности посмотрела ему в глаза. А в них перетекая из одной формы в другую, клубились тени, и оторваться от этой игры оттенков серого было невозможно. Тени словно звали меня, обещали рассказать невероятную тайну, предлагали коснуться чего-то очень важного. А еще они совсем не пугали, а завораживали и манили.

Внезапно брюнет притянул меня к себе. Прямо как ту девушку, которую я видела рядом с ним в первый день. Меня бросило в жар, сердце в груди застучало, как сумасшедшее. Лицо парня оказалось совсем близко, и я даже не услышала его шепот, а почувствовала слова выдохом на своих губах:

— Уже пора Проснись.

— Вера, мы приехали. Проснись, — потряс меня за плечо отец, и я, хватая ртом воздух, вынырнула из сна. — Все хорошо?

Я огляделась, услышала недовольное мурчание Гадости на коленях и остановила диковатый взгляд на отце.

— Кажется, я все-таки заснула, — выдавила из себя, приглаживая волосы. — Сон дурацкий приснился. Мы уже приехали?

— Да, въезд на территорию колледжа запрещен, так что дальше пешком.

Я посмотрела в окно и увидела большие кованые ворота, за которыми находилась парковочная зона, а на холме за ней возвышалась усадьба девятнадцатого века.

— Прикольно — протянула я.

В таких местах я еще не жила.

— Как минимум тебе будет интересно изучить колледж изнутри, — подмигнул мне отец, желая подсластить горькую пилюлю расставания.

Я пожала плечами и вылезла из машины.

— Как минимум...

[1] СБРО – служба быстрого реагирования для одаренных.

Глава 6. Ворота. Усадьба. Домовой

— Не поняла — произнесла я, оказавшись в шаге от ворот.

А остановилась я потому, что прямо перед носом заметила непонятное марево. Воздух словно дрожал и даже переливался, и это было очень странно.

Сделала медленный шаг назад, но с такого расстояния уже ничего не видела. Снова шаг вперед — снова марево. Повернула голову вправо-влево и поняла, что эта непонятная воздушная стена охватывает ворота. Пригляделась еще лучше и увидела небольшие, затерявшиеся в придорожной траве статуэтки львов, установленные с разных концов от ворот. Эти львы с широко раскрытыми пастьми «рычали» друг на друга и могли бы показаться совершенно обычными, если бы я с этого ракурса не заметила, что марево исходит именно от них.

— Позвони в калитку, — подошел с моими вещами отец. Оценив мой немного испуганный взгляд, спросил: — Видишь марево? Не переживай. Это стандартная защита таких мест. Она не пропускает неодаренных.

— А как же ты? — удивилась я.

— Если возьмешь меня за руку, я смогу пройти.

— Так себе защита — хмыкнула я.

Статуэтки отвлечения внимания, статуэтки, создающие марево, пропускающее только людей. Все это казалось каким-то ненастоящим и даже дурацким.

— Это скорее первый фильтр и защита от любопытных, — пожал плечами отец. — Основная охрана внутри.

Я нажала-таки на кнопку звонка на воротах, и электронный замок тут же щелкнул, открываясь и предлагая нам войти. Сразу за воротами оказалась будка охраны. Из нее вышли двое: один с планшетом в руках, а другой — с автоматом. Первый поздоровался с нами, проверил документы, сверился с какими-то своими списками и указал в сторону главной аллеи.

— Идите по ней, и окажетесь у главного корпуса. Там вас встретят и проводят.

Второй все это время сверлил нас пристальным взглядом и демонстративно держал оружие наготове.

Такое себе ощущение от первого знакомства с будущей альма-матер. Хотя с такой охраной до меня вряд ли доберутся какие-либо нежелательные персоны. А за последнее время мне их хватило с головой. Так что пусть стоят и проверяют.

Усадьба Пятая Гора была большой, в ней без труда угадывались архитектурные веяния девятнадцатого века, в котором она и была построена. Неподалеку от усадьбы виднелось несколько флигелей, уже явно более поздней постройки, а над вершинами деревьев чуть поодаль угадывался купол церкви.

— Краси-иво — протянула я, подходя к крыльцу, на котором нас уже ждала приятная женщина лет тридцати. Одета она была в синее платье с белым воротничком, а образ преподавателя завершал строгий пучок на голове.

— Доброе утро, — произнесла она с дежурной улыбкой. — Вячеслав Владимирович и Вера Серовы?

— Да, это мы, — улыбнулся отец. — Доброе утро.

Честно говоря, я к новой фамилии еще не привыкла, а потому даже слегка вздрогнула, когда ее услышала.

— Замечательно. Меня зовут Анна Александровна Биро. Я секретарь. Буквально через минуту сюда подойдет комендант женского общежития и поможет Вере заселиться. Оставляйте вещи здесь — наш Домовой доставит их в нужную комнату.

— Кто? — вырвалось у меня невольное.

— О, простите, вы же еще не знаете наших местных особенностей. Это артефакт. Его лет двадцать назад создал один из наших учеников и оставил в дар колледжу. Благодаря ему мы теперь можем доставлять вещи и посылки в нужные комнаты, не сходя с места.

— Это телепорт, что ли? — несказанно удивилась я и воодушевилась. — А люди с его помощью могут перемещаться?

Телепорт! Это же мечта детства! Захотел — и ты уже на другом конце империи. А как при его помощи удобно убегать

Почувствовав мое воодушевление, Гадя на руках заворочалась и начала озираться и мяукать. Но мои уже зреющие в голове теории и планы быстро обломали:

— Это очень сложно объяснить, но с теорией телепортации данный артефакт никак не связан. Это свойство дара его создателя. И конечно, людей он перемещать не может, как и любые живые предметы. В таком случае артефакт просто не срабатывает, — улыбнулась Анна Александровна.

— А кто создал этот артефакт и как он выглядит? — не могла не спросить я. — Или это тайна?

— Никакой тайны, — еще шире улыбнулась женщина. — Его создал Андрей Елизаров.

— Тот самый Андрей Елизаров?! — снова не смогла я сдержаться. — Основатель одноименного бренда чемоданов и сумок?

Это же самый известный не только в нашей империи, но и далеко за ее пределами бренд! Я никогда даже не заикалась отцу, что хочу что-то от Андрея Елизарова — слишком это дорогое удовольствие, — но о сумке этого бренда мечтает любая девушка.

Тем временем к нам подошла невысокая полноватая женщина с наметившейся сединой.

— Знакомьтесь, это Лидия Потаповна, помощница коменданта. Она поможет Вере с заселением. А вас, Вячеслав Владимирович, я провожу к директору. Он хотел лично с вами пообщаться.

Но отец не спешил уходить. Видимо, ему, как и мне, было интересно посмотреть на пресловутого Домового. И Лидия Потаповна нас не разочаровала. Вернее, разочаровала, но связано это было не с процессом перемещения.

Она сняла с плеча широченную хозяйственную сумку, с которой еще в девяностые годы прошлого столетия, когда империю сотрясал сильнейший экономический кризис, ездили за границу челночники, раскрыла ее и начала перебирать потертые пластиковые таблички, установленные на натянутую вдоль молнии ленту.

Мы с отцом перевели удивленные взгляды на Анну Александровну, и та с усмешкой сообщила:

— Да, в тот момент Андрей Елизаров больше интересовался содержанием. Работать над стилем он начал чуть позже. Кстати, сейчас у нас обучается его сын.

Тем временем помощница коменданта нашла номерок с цифрой сорок четыре и раздвинула таблички в разные стороны.

— Ставьте ваш чемодан, — сделала она пригласительный жест, и отец засунул чемодан в сумку. Но стоило отпустить его, как он исчез, будто и не было. — Кладите сюда и ваш рюкзак. Незачем таскать такую тяжесть на плечах, — улыбнулась помощница мне.

Рюкзак точно так же исчез в зеве сумки, и Лидия Потаповна уже собралась повесить ее на плечо, когда Гадость совершенно неожиданно вывернулась из моих рук и прыгнула вслед за рюкзаком.

Я перепуганно уставилась на женщин. Конечно, они говорили, что этот чудо-Домовой не перемещает живых существ, но это же Гадость! Отец не зря ее так назвал. А нехорошее предчувствие, которое тут же у меня возникло, подтвердило враз изменившееся лицо Лидии Потаповны.

— Котенка здесь нет — растерянно произнесла она, заглянув в сумку.

— Этого не может быть, — все еще улыбаясь, посмотрела на нее Анна Александровна и тоже поспешила заглянуть внутрь сумки.

И по мере того, как ее взгляд в ней метался, улыбка сползала с ее лица.

— Думаю, нам нужно пойти в комнату сорок четыре, — нахмурился отец.

Я уже давно поняла, что, несмотря на демонстрируемую неприязнь, он успел привязаться к котенку и сейчас переживал о нем. Он даже не выразил никакого негодования, когда выяснилось, что в колледж с животными нельзя и Гадости придется остаться с ним. Разве что сама Гадость выглядела при этом недовольной и некоторое время царапалась и была не в духе, но мне так, скорее всего, просто казалось. Она ведь всего лишь котенок.

Но куда Гадя делась?! Она ведь не могла погибнуть? Ведь правда?

Комната, в которую мы тут же поспешили, находилась во флигеле неподалеку. Мы прошли мимо дежурившей вахтерши и поднялись на второй этаж. Комната оказалась почти в самом конце коридора. Лидия Потаповна открыла дверь довольно внушительным ключом, но внутри Гадости не нашлось. Я искала ее везде: в шкафу, где заметила вещи своей соседки; под обеими кроватями; под столом — нигде котенка не было. Выбежать из закрытой комнаты Гадя не могла.

— Может, ваш котенок выбрался через форточку? — с сомнением предположила Анна Александровна.

Форточка и в самом деле была приоткрыта. Несмотря на продвинутые электронные замки, охрану и даже невероятные артефакты, общежитие не было оснащено современными стеклопакетами, и деревянная рама была старой, с небольшой хлипкой форточкой.

— А если нет? — еле сдерживая панику, спросила я.

Гадость стала частью моей жизни, комочком родного тепла и любви. Я не могла ее потерять!

— Все будет хорошо, — решительно заверила Анна Александровна и улыбнулась. — Уверена, мы обязательно найдем вашего котенка.

— Вы уверены, что он не погиб внутри этого вашего Домового? — продолжая хмуриться, спросил отец, и улыбка на ее лице померкла. — Это вообще нормально, что в колледже используются такие опасные для живых существ артефакты?

— Поверьте, никогда ранее ничего подобного не происходило! — поспешила заверить нас секретарь. — Я не понимаю, что это было. Уже более двадцати лет этот артефакт не давал сбоев.

— Так, может, у него уже срок годности закончился? — еле скрывая злость, поинтересовалась я.

— Хм — Анне Александровне явно нечего было на это ответить.

— Именно во избежание подобных эксцессов мы и не разрешаем нашим студентам привозить с собой животных, — попыталась хоть как-то снять с колледжа ответственность комендантша.

— Никто и не собирался оставлять кошку здесь, — процедил отец.

— Вячеслав Владимирович, мы сделаем все, чтобы найти вашего питомца, и будем надеяться, что скоро он найдется сам. А пока нас ждет директор. Давайте к нему поспешим?

Отец резко выдохнул, шагнул ко мне и попытался изобразить улыбку:

— Гадость обязательно найдется. Не переживай. — И крепко меня обнял. — Я зайду попрощаться.

Оставшись в комнате одна, я невидящим взглядом уставилась на свои вещи, которые стояли прямо посередине комнаты.

— Мяу, — послышалось тихое откуда-то снизу.

— Гадость?.. — Не веря своим ушам, я опустилась на колени и заглянула под кровать. Там как ни в чем не бывало сверкал своими желтыми глазищами мой котенок. Я тут же протянула руки и достала покрытую пылью Гадость. — Но тебя же там не было. Я сама смотрела!

— Мяу, — насмешливо фыркнула Гадя и чихнула.

В этот момент дверь со стуком открылась, и я услышала:

— Ну привет, соседка! Оу, какая у тебя милаха!

Я подняла голову и увидела ту самую брюнетку, которую на моих глазах целовал парень в косухе.

Глава 7. Гадя. Соседка. Джокер

— Привет — растерянно ответила я. — Неожиданно.

— Что? — Девушка в ультракороткой кожаной юбке и майке с провокационным декольте присела рядом и погладила Гадю. — Где она успела так испачкаться?

Девушка посмотрела на свои руки, попыталась их очистить и встала, направившись к умывальнику. Он в комнате, к моему удивлению, был. Я вообще только сейчас начала настоящему оглядываться и подмечать детали: обои в мелкий цветочек; тюль и шторы на окне; две кровати, на одной из которых я сидела; стол и почему-то только один стул; дощатый пол, на котором лежало что-то наподобие ковра, пусть потертого, но все же; два узких шкафа и, собственно, тот самый умывальник. В общем и целом, комната выглядела светлой и уютной. Мне понравилась.

Теперь бы только найти общий язык с соседкой. Я раньше никогда не обитала на одной жилплощади ни с кем, кроме отца и когда-то мамы.

— Какая-то жирная пыль. Без мыла не отмывается, — хмурилась девушка.

Я и сама уже заметила, что лапки Гадости были испачканы чем-то особенным.

— Похоже на мазут. Только где она его под кроватью умудрилась найти?

— Н-да? Тебе виднее. Но вряд ли она нашла эту гадость под кроватью, — вытирая руки о небольшое вафельное полотенце, сказала девушка.

Гадя, услышав слово «гадость», встрепенулась и хотела прыгнуть с моих колен, но я ее удержала и подошла к умывальнику. Поморщилась при мысли, что джинсы придется отстирывать позже, и намылила Гадости лапы.

— Странно, правда, что тебе разрешили ее оставить.

— Ну, пока не разрешили. Просто так получилось, — не стала я вдаваться в подробности.

— То есть ее заберут?

Я посмотрела на Гадость и на интуитивном уровне поняла: если отдам ее отцу, новый побег будет не за горами.

— А если нет? — решила я прощупать почву.

Бровь девушки демонстративно выгнулась.

— Ты хочешь, чтобы я стала соучастницей нарушения правил колледжа?

— Э-э-э Ну-у-у — тянула я, понимая, что именно этого и хочу, но очень опасаясь, что соседка откажет. И, судя по ее виду, «нет» она все-таки скажет, но попробовать я должна была. — Да.

— Хорошо, — внезапно согласилась она, и я растерялась от такой сговорчивости. Но совсем скоро все встало на свои места: — Но взамен ты никому не будешь рассказывать о моих гостях.

— Каких еще гостей? — удивилась я.

Она сощурилась, собрала губки бантиком, словно высчитывала, как много можно мне рассказать.

— Ну ладно, — наконец решила она. — В наше общежитие не пускают парней. Совсем. Даже днем. А мне это не нравится.

— Оу Так вот о каких ты гостях. Не буду я стучать. Я бы и так не стала.

— Я тоже! — радостно захлопала соседка в ладоши, чем-то напомнив мне девочку из какого-то мельком увиденного аниме. — Тогда договорились. Тем более что я очень люблю котиков. — Она взяла полотенце и начала вытирать Гадости лапки. — Только пусть больше под кроватями не лазит и вообще держится подальше от грязи.

— Угу.

Я не стала объяснять, что Гадость никогда не спрашивала, куда ей ходить и что делать. На то она и Гадость.

— Кстати, кажется, мы так и не познакомились. Меня Лана зовут.

— А я Вера.

— Новенькая — и сразу на второй год обучения? — внезапно проявила осведомленность Лана. — Не смотри так на меня. — Она рассмеялась. — Первый курс у нас всегда селят на первом этаже поближе к вахтерше. Чтобы привыкали к дисциплине.

— А ты на каком курсе учишься? — поинтересовалась я.

— Тоже на втором.

— Понятно. Честно говоря, я до сих пор не понимаю, почему меня сразу на второй курс взяли.

— Ну, на первом проходят практически те же предметы, что и в школе. Дар тоже у большинства просыпается к концу первого или к началу второго года обучения. Так что первый курс — это скорее школа с углубленным изучением искусства. У нас многие приходят именно ко второму.

— А разве можно заранее определить, у кого проснется дар, а у кого нет? — удивилась я.

— Если в семьях уже были одаренные, то, как правило, дети рождаются с даром. Бывает, конечно, всякое, но тогда такие студенты впоследствии просто становятся знающими, и все.

— Знающими?

— Ну да. Теми, кто имеет право соприкасаться с тайной. Без таких людей многое для одаренных оказалось бы невозможным. Потом поймешь. — Лана сняла туфли на высоком каблуке, отодвинула их ногой к шкафу и с облегчением бухнулась на кровать.

Хочется же ей так мучить ноги. Я посмотрела на свои новенькие кеды и поняла, что ни за что не променяю их на туфли.

— А те, у кого дар просыпается на первом курсе? Их на второй не переводят?

— Нет, с ними занимаются отдельно, — пожала плечами Лана и, оживившись, спросила: — А какой дар у тебя?

— Я еще толком не разобралась. У меня рисунок ожил.

— То есть начал двигаться?

— Нет, нарисованная рука начала выбираться из листа.

— Кру-у-у-ть, — округлила глаза Лана. — У нас в академии с таким даром пока никого не было. Рисунки у многих оживают, но это скорее двигающиеся картинки. Есть даже говорящие. Несут, правда, какую-то чушь, но так, чтобы рисунок прямо в реальность выходил. Тот Потаповна пошла вас встречать с Домовым. Видимо, администрация с порога решила вас впечатлить. Я видела вас с отцом у главного корпуса.

— В смысле? Остальные сами вещи в общежитие несут?

— Конечно! Будут еще ради такого пустяка старинный артефакт эксплуатировать.

— Так ему же всего двадцать лет вроде.

— Боже, какое старье, — снова закатила глаза Лана, а потом внезапно хитро усмехнулась.

— Хочешь узнать, для чего Елизаров его в свое время на самом деле создал?

— Для чего? — От любопытства я невольно подалась вперед.

И Лана почти шепотом сообщила:

— Чтобы во время поездок в город доставлять в колледж всякую запрещенку. — И прыснула смехом. — Представляешь, он в то время так зарабатывал на студентах. Задумка, по моему, шикарная! Только в конечном счете его кто-то сдал, и лавочку прикрыли. А артефакт Елизаров вынужден был подарить колледжу, иначе его бы отчислили. Хотя за такую штуку колледж тогда должен был бы выплатить ему приличную сумму. Ты же в курсе, что наша альма-матер имеет приоритет выкупа созданных на ее территории артефактов? Платят, конечно, меньше, чем в городе, зато и лицензии не требуют.

Всего за какие-то пару минут Лана вывернула на меня такой поток информации, что я опешила.

— А откуда ты все это знаешь? Ну, про Елизарова, к примеру.

— Джокера знаешь?

— Кого?

Лана закатила глаза. Похоже, она любила это делать.

— Ты откуда такая дремучая?

— Считай, что из тайги, — буркнула я неохотно.

— Н-да. Ну ладно. Джокер — восходящая рок-звезда. Ты наверняка должна была слышать его песни. В Питере он стал очень популярен за последний год. У него своя рок-группа и — Она сверкнула глазами и сделала длинную паузу.

— И? — не выдержала я интриги.

Для меня все, что со мной происходило последнее время, было чем-то сказочным и нереальным, и то, что эта сказочная нереальность на самом деле гораздо ближе, выбивало из колеи, но жутко интриговало.

— И он

— Лана! — Дверь снова резко открылась, и на пороге появились сразу две девушки с такими же ярко подведенными черным глазами, как у Ланы. Коротенькие, едва прикрывавшие попу юбочки и высокие каблуки тоже были в наличии. — И-и-и! — завизжали они и бросились к моей соседке обниматься. — Мы так соскучились!

Лана подскочила с кровати, и подруги обнялись. Здорово иметь подруг. Я невольно покопсилась на свой телефон, из которого так и не смогла удалить фотографии из прошлых школ, где были запечатлены те, кого я называла друзьями.

— Девочки, знакомьтесь! — наобнимавшись, произнесла Лана. — Это Вера, моя соседка. Вера, это Ника и Злата.

— Привет. — Девчонки окинули меня заинтересованными взглядами и, конечно, заметили Гадость.

— Ой, какая прелесть! — в один голос воскликнули они.

— Можно ее погладить?

— И как зовут эту милашку? — засюсюкали они.

— Ее зовут Гадость, и она не очень любит, когда — Договорить я не успела — кошка полоснула когтями протянувшую к ней руку Злату. — ее пытаются затискать чужие люди.

— Ай! — воскликнула блондинка.

— Извини. Давай обработаю ранки, у меня есть хлоргексидин. — Я с укором посмотрела Гадости в глаза, положила ее на кровать и полезла в рюкзак за медикаментами.

— Теперь я понимаю, почему ты назвала ее Гадостью, — убрала протянутую к котенку руку Ника. — А зачем тебе в колледже медикаменты? У нас же круглые сутки работает медпункт.

Я достала косметику с лекарствами и пожала плечами:

— Привычка.

Набор первой помощи всегда лежал в моем рюкзаке и уже не раз доказывал, что я не зря таскала его с собой.

— А вы сестры? — решила я перевести тему разговора и посмотрела на Злату с Никой.

Девушки очень походили друг на друга, но сделали все, чтобы это сходство не бросалось в глаза. Злата собрала длинные волосы в конский хвост, открывающий высокий лоб и тонкую шею, а Ника носила волосы распущенными, закрыв лоб густой челкой.

— Да, мы близняшки.

— Но мы разные.

— Очень!

— Каждая из нас — индивидуальность.

— И нет, мы не будем одеваться как две одинаковые куклы!

— И мальчики нам нравятся разные.

— Да! Кроме одного, — по очереди выдавали блондинки, кивая на каждое свое утверждение.

Но потом переглянулись и, расплывшись в одинаково блаженных улыбках, произнесли:

— Но Джокер — это кра-а-аш.

Я наконец обработала и заклеила ранки Златы пластырем и обратила внимание на Гадость, которая по шторе уже подбиралась к форточке.

— Стой! — бросилась я к пакостнице и, ст

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.